

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

„ВИШНЕВЫЙ САД“

В ПОСТАНОВКЕ ГРЕЧ-ПАВЛОВА

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО отдалено было видеть тот интерес, который вызвал на сей раз в постановке „Вишневого Сада“ персонализированные отзвуки Театра Иона русского парижана, среди которых наблюдались необычайные на русских спектаклях выразительность и выразительность. Видимо, постановка трех пьес Чехова в одном здании на французских сценах Парижа возбуждала наблюдательность до сих пор своего рода косность наблюдателей забывала о своем русском происхождении вырванных уже на чужбине и ф. парижан с фамилиями на „ек“ и „ский“, которые привлекла теперь возможность послушать и посмотреть Чехова по-русски, да еще в постановке, связанной по традициям Московского Художественного Театра.

И надо признать, что они не были обмануты в своих надеждах. В. Греч и П. Павлов дали спектакль, оскрепавший в значительной мере атмосферу МХТ, вплоть до невыхода артистов на вызовы до конца спектакля. Единственный вырв, который можно считать постановочным, это некоторое чрезмерное подчеркивание изюби, почас доводившее спектакль до роковой черты, когда „за деревьями не видно леса“. Введенный Чеховым в пьесу „анекдот“ не должен, думается, затмевать того лирического, сердечного духа, которым пронесен „Вишневый сад“ с его грустной поэзией умирающего дворянского помещичьего быта. Поэтому, несмотря на возмездную по существу игру П. Токарской, например, созданная ею фигура Шарлотты Ивановны чересчур резко выпирает из общего фона, равно, как и прекрасно задуманный В. Субботинным Епиходов слишком становится персонажем испаннированного юмористического рассказа.

Появление „прохожого“, красочно изображенного В. Болотовским, также относится к этой категории „мешающих подробностей“. Хотя в значительной мере здесь вина самого Чехова, нашего пугливого неуча в пьесе этот по существу неуместный и лишний эпизод.

Много лучше укладывался в рамки спектакля поэтому разноречно сданный характерный Пищик В. Бугнепова, сумевшего в заключительной, почти немой, сцене показать потрясающую глубину пережи-

вания им расставания, момент, который также очень хорошо удался Н. Сафонову — Гаеву, короткая рыдания которого у окна прекрасно заключили созданный им выдержанный и барский образ.

Варя и Аня, как их показали молодые артистки — М. Байдарова, очень сдержанно, но с большой затененной экспрессией игравшая первую, и Нина Баширина, выступавшая почти впервые в ответственной роли и обнаружившая огромную искренность, сердечность и действительную юную увлеченность — останутся в памяти зрителей. Только этим качеством Ани и можно объяснить ее согласие начать „новую жизнь“ с Петей, который в изображении А. Богданова, не указанного по недосмотру в программке, оказался слишком „резонером“ и не излучал обаяния руководящего им, пускной и бесосновательного идеализма. Восторг зрителей вызвал, конечно, Фирс, которого с такой мягкостью и убедительностью изобразил голосом и фигурой П. Павлов. Очень удалась Т. Масловой Луняша, в мѳру кокетливая, в мѳру чувствительная. Смѳсь французского с нижегородским в лицах Яши

удачно воплощена была М. Самариным.

В роль Раневской В. Греч вложила много души и артистического умения, и, если порой не вполне вприсосе ее горю от расставания с имѳнием, то в этом, может быть, вина Чехова, у которого как-то по совѳм до конца выливалась искренность мук Раневской, в конце концов, слишком занята мыслью о Париже и оставленном там возлюбленном. Лопухин в лице А. Вырубова не только герой Чехова, простоватый, сам удивленный своим успехом полуграмотный человек, но и какой-то мятущийся, как бы ищущий объяснения и оправдания происходящему герою „Идиота“ или „Барамазовых“. Со всем тем он создает сильный и убедительный в своем размахе образ, особенно хорошо провел сцену в третьем действии — кульминационном пункте своей роли — и в последнем объяснении с Варей.

Спектакль произвел большое впечатление и вызвал под конец бурные восторги публики, долго рукоплескавшей всем исполнителям. Отмѳчу еще прекрасная — в мѳру возможностей сцены Иона — декорации Прево де Бельво, сумѳвавшего во втором действии дать даже намек на цѳлую панораму города.

А. Ш.

● По статистике, на 1953 год население земного шара насчитывало 2.547 миллионов человек. Благодаря долголѳтию и уменьшению смертности, население увеличивается.

На каждый километр приходится 129 жителей — в Центральной Европе, 94 — в Азии, 8 — в Америке и 7 — в Африке.